

Фан Цинцин была одета в старую одежду Сяо Лань, которую нашла Матушка Сюй. Поскольку Сяо Лань была высокого роста, наряд сидел на Фан Цинцин мешковато.

— Наложница Фан, пора ужинать! — Сяо Цин вошла в комнату, неся поднос. Она приложила немало усилий, чтобы раздобыть нормальную еду, ведь раньше наложница питалась лишь жидкой рисовой кашей да соленьями. Хотя хлопот было много, но раз уж госпожа дала щедрую награду, приходилось стараться.

Фан Цинцин взглянула на еду. В её памяти такие блюда встречались нечасто — обычно ей перепали лишь объедки да пустая каша. Должно быть, это распоряжение Сяо Лань. Сердце наполнилось благодарностью: она решила, что если поправится, то обязательно поклонится ей в знак признательности.

Желудок был пуст, и она действительно проголодалась. Фан Цинцин взяла миску, подцепила кусочек жареной курицы, отправила в рот, следом зачерпнула пару ложек риса, но не успела проглотить, как к горлу подкатил тошнотворный ком, и её стошнило.

Сяо Цин, глядя на то, как наложница, похожая на призрака, ест и тут же извергает всё обратно, поспешно налила чаю, чтобы помочь той перевести дух.

В этот момент в комнату вместе с Сяо Бай вошла Матушка Сюй. Увидев, что происходит, она встревоженно спросила, что случилось. Но стоило ей заметить на столе жареную курицу и мясную нарезку, как она хлопнула себя по бедру и с досадой воскликнула:

— Ох, глупая девчонка! — Отругав Сяо Цин, она, не побрезговав грязью, внимательно осмотрела то, что исторгла наложница, и велела Сяо Цин всё переделать: — Свари белой лапши, поменьше масла и соли, сделай всё постным!

Сяо Цин замялась:

— Такие деликатесы — только они и могут придать сил, а что толку от пустой лапши?

— У наложницы Фан желудок неизвестно сколько пустовал, жирное она сейчас не примет, нужно сначала наладить пищеварение чем-то тёплым и лёгким, — Сяо Бай вытолкала Сяо Цин за дверь, а сама взялась за таз и тряпку, чтобы прибраться.

Матушка Сюй помогла Фан Цинцин пересесть на кровать, чувствуя бесконечную жалость к этой женщине. Раньше она редко видела её и не задумывалась, но теперь казалось чудом, что та вообще ещё сидит здесь. Неизвестно, какие добрые дела она совершила в прошлой жизни, раз дождалась прихода Сяо Лань, чтобы та её спасла!

От мучительной тошноты глаза Фан Цинцин покраснели. Вспомнив все обиды, пережитые перед самой смертью, и своё нынешнее положение, она не смогла сдержаться. Сначала одна,

другая слезинка, затем они потекли ручьём, и в конце концов она разрыдалась в голос.

— Наложница Фан, не плачьте, так и здоровье подорвать можно! — Матушка Сюй заботливо погладила её по спине, где отчётливо прощупывались позвонки. Ей стало так тоскливо, что она достала платок и украдкой вытерла собственные слёзы.

— Как же я несчастна! За что мне было так обмануться в мужчине! — Утешения Матушки Сюй лишь разбередили душу, и Фан Цинцин зарыдала ещё пуще, не в силах унять горе.

— Наложница Фан, вы с таким трудом вырвались из лап смерти, нельзя же такое говорить, кто-нибудь услышит! — Матушка Сюй поспешила к двери, чтобы закрыть её, но Сяо Бай опередила её.

— Мне больно! Как же мне больно! — Фан Цинцин кричала сквозь слёзы, выплескивая горести прошлой и нынешней жизни. — Он ведь говорил, что любит только меня! Говорил, что у него нет жены!

Матушка Сюй не поняла слова жена, решив, что бедняжка снова бредит от болезни.

Наконец, Фан Цинцин успокоилась. Сяо Бай открыла дверь, принесли лапшу. Уставшая от плача, она проголодалась ещё сильнее, и даже простая белая лапша показалась ей невероятно ароматной. Наученная горьким опытом, она ела медленно.

Увидев, что состояние наложницы стабилизировалось, Матушка Сюй дала наставления Сяо Цин и Сяо Бай и удалилась. Сяо Цин поглядывала на оставленную в стороне курицу и овощи — ей очень хотелось есть, но она не смела просить, оставалось лишь ждать, пока Фан Цинцин закончит.

Фан Цинцин ела не спеша. Заметив, что служанки стоят над душой, она почувствовала себя неловко — словно в ресторане, где люди ждут, когда ты освободишь столик.

— Садитесь, поешьте вместе со мной. Я всё равно не осилю, доедайте, — она пододвинула поднос к ним.

Сяо Бай отказалась:

— Это не по правилам.

Фан Цинцин улыбнулась:

— По-твоему, здесь есть место для правил? Главное — выжить. — Она посмотрела на сгорающую от желания Сяо Цин: — Сяо Цин, закрой дверь и садись ешь!

— Слушаюсь, наложница!

Наконец, все трое уселись за стол и, не торопясь, съели всё до последней крошки, оставшись вполне довольными.

В ночной тишине Фан Цинцин лежала на свежей постели. К горлу снова подступил ком, но она заставила себя сдержаться. Тело было слишком слабым, от недавнего плача она едва не задохнулась. Она боялась вспоминать пересуды людей после своей смерти и пыталась отвлечься, погружаясь в воспоминания той, чьё место заняла.

Наложницу звали так же, как её — Фан Цинцин. Это было удачей, по крайней мере, не нужно привыкать к новому имени.

Той Фан Цинцин было пятнадцать, когда она встретила Сунь Шаохуа, приехавшего отдохнуть на озере. Семнадцатилетний юноша был хорош собой, учтив и начитан. Он читал ей стихи, смысла которых она не понимала, но звучали они так красиво, что простая деревенская девушка, никогда не покидавшая родных мест, без памяти влюбилась.

Сунь Шаохуа, конечно, тоже был очарован юной красавицей. Целый месяц он приходил к озеру только ради неё. В итоге, молодые и безрассудные, они дали друг другу клятвы и предались страсти. Но мужчина, наигравшись, просто ушёл, а Фан Цинцин начала ждать ребёнка.

Поначалу Сунь Шаохуа навещал её, оправдываясь тем, что семья против и он ничего не может поделать, но обещал сделать её наложницей. Для деревенской девушки стать наложницей сына уездного начальника было неплохим будущим, и она согласилась ждать. Но ожидание затянулось на год.

За это время он не приехал ни разу. Фан Цинцин хотела было утопить ребёнка, когда тот родится, но не смогла. Деревня задыхалась от сплетен, отец не мог поднять головы от стыда, а сама она то приходила в себя, то впадала в забытие.

В конце концов отец умер от горя, а в дом Фан Цинцин пришли люди из семьи Сунь и забрали её, чтобы сделать наложницей. Ребёнку был год с небольшим. Его подкупили сладостями, и он перестал узнавать родную мать. Фан Цинцин окончательно сошла с ума и была заперта в этом полуразрушенном дворике на долгие годы.

Фан Цинцин похлопала себя по впалой груди, пытаясь выровнять дыхание. Она хотела успокоиться, перебирая историю прежней хозяйки, но, вникнув в её судьбу, стала лишь тревожнее. Что за нелепая жизнь, где с человеком обращались хуже, чем со скотом! Она твёрдо решила: раз уж она здесь, то сделает всё, чтобы Фан Цинцин начала жить по-человечески.

В голове начали выстраиваться планы. С её положением в этом поместье удержаться было невозможно. Денег нет, красоты не осталось — единственный путь выжить — найти сильного

покровителя. И, судя по её смутным воспоминаниям, единственным человеком, способным её спасти, была та самая слабая и беспомощная законная жена.

Когда она только попала в поместье, она была ещё в здравом уме, и её не держали взаперти. Она видела Сяо Лань несколько раз: та была мягкой и кроткой, но к ней относилась с полным безразличием. Раньше Фан Цинцин этого не понимала, но теперь всё стало ясно. Сяо Лань вышла замуж всего полгода назад, а муж притащил в дом другую женщину с незаконнорожденным ребёнком. Кто бы после такого стал проявлять доброту?

Оставалось лишь надеяться, что Сяо Лань не станет сводить счёты, и позволит ей прильнуть к себе. Она была готова стать её советником и помочь ей утвердиться в поместье Сунь.

<http://bllate.org/book/21470/2196832>